

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

*Действовать – значит решиться
думать иначе, нежели думал прежде.*

Мишель Фуко

Образование **ЭЛИТЫ**

Элита – слово, примелькавшееся за последние годы в российских речах и печатных текстах. Слово, которое расшифровывается на первый взгляд достаточно просто – лучшие люди. Между тем за обманчивой простотой скрываются глубины и парадоксы.

Вот, к примеру, две фигуры, перемолвившиеся некогда на солнцепеке, – Александр Македонский и Диоген. Они из числа героев, на которых зиждется репутация Древней Греции, то есть «представители древнегреческой элиты»: без пяти минут правитель Ойкумены и нищий философ, живущий в бочке... Ситуация, надо сказать, шокирующая по нынешним меркам.

Активное представление будущего

Нематериальные активы нации

Глубинный источник темы – очевидное неравенство людей: социальное и природное. Можно также разграничить внешнюю и внутреннюю стороны явления. На практике определением «элиты» обозначаются:

- ♦ властные и богатые люди (господствующее сословие), формирующие социальную среду обитания для всех;
- ♦ сложноорганизованные люди, способные к чрезвычайно эффективной деятельности, трансценденции себя и обстоятельств (в узком смысле – талантливые и харизматичные уникалы или профессионалы).

Гаэтано Гандольфи. Диоген и Александр. 1792 год

Но есть и третье — как бы подразумеваемое — качество элиты: благородство, «нобилитет».

Естественно, эти качества не обязательно существуют раздельно, они совмещаются в некоторых личностях.

Над проблемой неравенства рода людского, причин и следствий подобного состояния человеческого космоса задумывались многие. Существуют разные прочтения темы. Так, важные для современного общества (мира Модернити) позиции по данному вопросу, воззрения, имевшие долгосрочные следствия, сформулировали в свое время отцы-основатели протестантской версии христианства. И, надо сказать, их толкования способствовали глобальной экспансии этой культуры. Знаком обладания высоким качеством личности (пред-

Александр Македонский и Диоген. Они из числа героев, на которых зиждется репутация Древней Греции, то есть «представители древнегреческой элиты»: без пяти минут правитель Ойкумены и нищий философ, живущий в бочке... Ситуация, надо сказать, шокирующая по нынешним меркам.

определенностью к спасению), согласно данной системе взглядов, являлся успех — примета Божьего благословения и критерий следования по верному пути. Но успех понимался все-таки не вполне в том смысле, который впоследствии был придан теме избранничества сужающими ее интерпретациями. Наряду с житейским, материальным успехом признавались другие критерии оценки наличия и проявления дара, например, творческие или теологические (в достаточно широком толковании). Подобная легитимация успеха — равно как и опасение «зарыть талант в землю»,

стремление реализовать дары в максимальной степени — превращает его в маяк социальных (статусных) устремлений индивида, наполняя и переполняя энергией действия. В России, однако, господствовала заметно иная трактовка избранности, к тому же со скептицизмом оценивавшая критерии материального благополучия (ср. «от трудов праведных не построишь палат каменных»), по-своему акцентировавшая связь таланта и харизмы с горним миром. Что представляется важным? Формула сопряженности человеческих качеств с метафизикой вводила в тему элиты, в

Неизвестный фламандский художник. Конференция в Сомерсет-хаус 19 августа 1604 года. 1604 год

На практике определением «элита» обозначаются:
– властные и богатые люди (господствующее сословие), формирующие социальную среду обитания для всех;

культурный код – и через его посредство в житейскую практику – определенное ценностное содержание. Предопределяя тем самым персональное напряжение, длинную волю, широту и глубину притязаний, долгосрочное целеполагание.

И как следствие подобных качеств – тот или иной исторический проект.

Без подобным образом мотивированного ценностного компонента, по одним формальным признакам «лучших в профессии» можно было бы рассуждать, скажем, об «элите преступного мира», но очевидно, что такое рассуждение, обладая специфическим привкусом, не имеет высоко-

го горизонта. А само по себе форсированное воспроизводство «опрокинутого идеала», нисхождение по степеням «лже-лестницы» деградации, уводящей в глубины неорархаики, приводит к историческому краху общества.

Это, конечно, крайние позиции. Однако о градусе духовного здоровья нации вполне можно судить по тому, каковы ее герои, кого именно люди выделяют и провозглашают в качестве кумиров (элиты). Другими словами каковы герои, таково и общество.

В практическом же плане, руководствуясь здравым смыслом, можно говорить об акцентах времени, то есть о том, какая группа элиты в данный

момент востребована обществом и потому актуальна. К примеру, при определенных условиях Диоген действительно может оказаться более востребованным, нежели Александр.

Перманентный транзит

Наше время – время перманентного транзита, причем как в России, так и за ее пределами.

Среда обитания человека, параметры его существования имеют свойство время от времени меняться. И в различных обстоятельствах совсем не одинаковые наборы качеств признаются «лучшими» относительно других.

С этим обстоятельством тесно связаны историческая конкуренция, конфликты элит и выдвигаемых ими миро-

Надгробие Ричарда Львиное Сердце в аббатстве Фонтевро

устроительных проектов. Равным образом перемена социальных сезонов сама является следствием конкуренции элит. Отсюда возникает важное понятие — контрэлита. Стереотипический конфликт подобного рода можно описать посредством классической

инструменты вкупе с универсализацией среды существенно усилили роль и возможно-

Соответственно меняются требования, предъявляемые к «лучшим людям». (Ведь наш разговор идет не столько о профессиональной элите, сколько об элите националь-

опозиции — «архаисты и новаторы», то есть борение охранительного инстинкта общества (консерватизма) и прочтения истории как перманентной революции (трансценденции сложившихся обстоятельств). Исторических примеров множество, нет нужды их перечислять.

Мы живем в «химическое» время — в том смысле, что на период нашего земного бытия приходится смена исторических эпох: эпоха современности (Модерна) сменяется новым состоянием человеческого сообщества. Состоянием, для которого существует ряд определений: постиндустриальный мир, постсовременность, информационное или креативное общество... Социальный транзит проявляется в серьезном усложнении человеческой вселенной. Глобализация и технологическое могущество цивилизации, ориентированной на потребителя, — своеобразная плацента, в которой вызревают право на суверенитет личности и предельная эмансипация человеческой воли (проявляемой как в свободе, так и в произволе). Новые же изошренные ин-

... — сложноорганизованные люди, способные к чрезвычайно эффективной деятельности, трансценденции себя и обстоятельств (в узком смысле — талантливые и харизматичные уникалы или профессионалы).

сти элиты, что имело далекоидущие следствия...

Транснациональный доминантный и деятельный слой институализируется, прочерчивая поверх прежней административно-политической географии мира собственную властную топографию. В то же время пассивная челядь становится все менее значимой величиной.

Претерпевают мутацию привычные институты. Учреждения уходящей эпохи утрачивают уровень компетенции, необходимый для эффективного мониторинга и контроля над совокупностью сюжетов и управления бурлящим, многоликим обществом. Не справляясь с новой сложностью мира, не выдерживая исторической конкуренции, прежние конструкции деградируют, трансформируются, образуют симбиотические структуры с новым поколением социальных организмов либо сходят с исторической сцены.

ной, то есть признанной и героизированной обществом в данный момент.) Какая же элита востребована сегодня? По-видимому, та, которая сможет не только удержать общество от распада, но и результативно действовать в складывающейся ситуации транзита, находя выход из дьявольских альтернатив.

Сегодня мы нередко наблюдаем сужение компетенций относительно возросшего уровня технических/интеллектуальных операций, умножения уникальных ситуаций, не имеющих прописанного регламента действий. В конечном счете, однако, в обществе формируется и выдвигается на ключевые позиции социальный слой, основа которого — высокообразованные, волевые, интеллектуальные, творческие личности, способные влиять на ход событий, предвидеть сценарии и обозревать горизонты актуальных сюжетов, эффек-

Эдмунд Блэр Лейтон. Акколада. 1901 год

... Но есть и третье – как бы подразумеваемое – качество элиты: благородство, «нобилитет».

тивно трансцендируя обстоятельства.

Проще говоря, востребованной оказывается страта людей, приспособленная к умному и умелому взаимодействию с комплексными, многофакторными, предельно динамичными, развивающимися порой на грани турбулентности процессами.

В результате параллельно привычным государственным конструкциям выстраивается влиятельная социальная среда, основа которой – новый статус мира. В подобной среде можно предполагать усиление гибких неформальных организаций, разрастание и умножение антропо-социальных структур самого разного

толка. В том числе организованностей, основой которых становятся особо одаренные личности (люди-предприятия, или *manterprizers*).

Какие это влечет следствия?

Судя по всему – формирование трансграничной реальности с иной (негеографической) сеткой координат, утверждение правил подвижного социума, смену языка власти. Можно вспомнить, как в преддверии революции Нового времени управленческий корпус готовился в университетах по программе «свободных искусств», что, по сути, означало овладение именно «языковой» (причем в широком значении) системой «знать-мыслить-говорить», но об этом ниже.

Означает все это переоценку стратегических ресурсов общества, соотношения между удельным весом материальных и нематериальных активов, изменение шкалы приоритетов, модификацию квалификационных параметров и вообще отношения к «роли личности в истории». А также иную классификацию «лучших людей», их природных/социальных свойств, но главное – изменение положения элиты в обществе, продвижение к гегемонии четвертого сословия в ходе универсального «восстания элит». В мерцающем мире управление обществом усложняется, часть нагрузки перенимает на себя гражданское самоуправление. При иных сценариях вероятно клановая приватизация социума. И с какого-то момента проблема удержания социальной связности в дисперсном универсуме начинает доминировать над режимами контроля и управления. Трансграничные параметры нового мира, обилие комплексных операций со сложными объектами и нематери-

альными ресурсами, неоднородность механики внешних/внутренних взаимодействий, необходимость трансценденции старых обязательств и сборки новых сюжетов — все это заставляет задуматься о смене социальных прописей. А также стимулирует размышления о траекториях общежития, в гораздо большей степени связанных с «коммунальным магнетизмом», инновационными умениями, творческим потенциалом и уникальными личными свойствами.

При этом количество промежуточных звеньев между идеей и воплощением драматичным образом сокращается. Основой сборки мира (мирового порядка) может оказаться не территориальная, географическая связность объектов, а культурная и пассионарная гравитация как традиционных сообществ (национальных, конфессиональных, этнических, профессиональных), так и оригинальных протосуверенов. Косные же, рефлекторные структуры оказываются на обочине или просто исчезают в причудливой вселенской суете. В мире нарастает конкуренция за источники социальной гравитации и культурного магнетизма. Формы социального строительства во все возрастающей степени оказываются сопряженными с нематериальными активами, идейным лидерством, результативностью в производстве смыслов, возможностями культурной мобилизации и моральной интеграции, другими факторами личностного и социального роста, с потенциалом соборной солидарности, ориентированной на те или иные идеалы.

Признак неудачи в потоке исторического транзита — упрощение и уплощение общества, падение энергетики, инволюционные искажения, ригид-

ность и хрупкость конструкций, истощение культурного слоя и примитивизация социального ландшафта, распад сложных элементов всей динамической целостности, утрата контакта с организованностями, которые успешно прошли горловину постсовременной инициации.

Перечислю напоследок некоторые из элементов формулы национального возрождения. Это наличие у нации воли к активному представлению будущего, способность к продуцированию перспективных инициатив, плодотворные смыслообразующие дискуссии, усилия по поддержанию высокого напряжения культуры и удержанию социальной связности, моральный императив, создание благоприятной среды для расширенного воспроизводства креативной страты, развитие интеллектуальных предприятий и образовательных институтов высокого уровня... Все это перспективные темы, непосредственно сопряженные с опознанием и реализацией долгосрочной стратегии России в новом веке.

Герои и общество

Метеоры в ночи

Итак, элиту можно понимать по-разному. Бернарду Меламуду принадлежит сентенция: «Когда нет героев, все мы — лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти».

Жизнь, в сущности, — это нечаянно обретенный шанс. Аристократия, знать, нобили, герои, лидеры, праведники — слова, деформированные скепсисом, стертые от плоского употребления. Они обозначают — в некоем светском подобию «золотой легенды» — тех, которые в земном несовершенном естестве воплотили черты взыскуемого идеала: лучших, достойных, могучих,

умелых, великодушных, одаренных личностей, придающих смысл повседневному бытию. Людей, расширяющих диапазон возможностей, повышающих эталон и мощь человеческих качеств, демонстрирующих оппозицию подлему состоянию. Людей, пребывающих в статусе само- и мирозидания, оплодотворяющих туманные дали, способных к немислимым свершениям, жертве, удержанию и преодолению зла, реализации сверхусилий и добродетелей, достигающих в том числе не всегда очевидные окружению, но впечатляющие потомков результаты.

Эти люди подобны искрам в ночи. Они — «метеоры, сгорающие, чтобы осветить свой век». Те, которые извлекают из повседневности музыку сфер, поддерживают человечность, дают надежду современникам, пестуют слабеющий дух поколений. Те, в чьей жизни мелькнул гений и ошутимо усилие по извлечению сущности из прагматики. В чем-то они сродни образу барона, за волосы тянувшего и вырывающего себя из болота.

В мире, искажаемом мерзостью быта, коварством и немощью людской природы, которым даны во владение дух, интеллект, сила, состоятельность, талант, динамичная, но несуетливая структура личности, особая ритмика жизни. Им свойственны стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию и самопознанию, способность к умному действию, искусство трансформации — шанс, пережив трансмутацию, реализовать преображение. Субъект существует (является таковым) посредством объекта, то есть в творческом акте и ради результата со-бытия — сути жизни. Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, благодать. Но если он не используется

В России формула сопряженности человеческих качеств с метафизикой вводила в тему элиты, в культурный код – и через его посредство в житейскую практику – определенное ценностное содержание. Предопределяя тем самым персональное напряжение, длинную волю, широту и глубину притязаний, долгосрочное целеполагание.

либо используется уродливо, то утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер – сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препону земных ограничений, усмирять суггестию деспотизма, даже отстранив стражей аутопоэзиса, пренебре-

гая инстинктом самосохранения. Порою жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но обретаются путеводные звезды.

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие меж собой зоны.

Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в

глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия: то ли прихотливый смех обыденности над ней, то ли – горький – над собой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного действия того времени (практиса) и знания как житейского опыта (фронеси-са) выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению дерзостью. Сейчас мы назвали бы это амбицией, эллины же определяли как гибрис. Что вело к сужению кругозора – ата, совершению трагической, фатальной ошибки – гамартии, отсроченному, но неизбежному моменту истины – анагоризису. С осознанием вскрывшейся истинной ситуации и своего реального положения – осознанием, сопровождавшимся внезапно обрушивавшимися переменами – перипетиями (то есть «превращениями действий в их противоположность»). Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – ананке, – приводивших в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к катастрофе: персональному возмездию и угрозе общего распада – немесису. В неотвратимости данной механики проявлялся тяготевший над человечеством фатум.

Здесь дистанция от казни новаторов к скепсису относительно судьбы героя, к добровольному мученичеству, гуманистическим идеалам, обретению суверенитета и пафосу личности, индивидуации и далее – к меритократическим сюжетам постсовременности.

Пайдейя

Центральная категория в мире образования – пайдейя – появляется в древнегреческой философии (сначала в софистике) не позднее V века до н.э., определяя влияние на

природу человека, развитие души и устремленность деяний.

Лексема «образование» обладает двойным звучанием. Это воплощение образа (см. «икона», «идеал», то есть цель) и это — творение (см. «лепка человека из праха», то есть процесс). Результат достигался культивацией и гармонизацией внешних и внутренних качеств — что определялось как калокагатия, ведущая к обретению превосходных степеней достоинства — арете или аристоса.

У Платона пайдеия онтологична: она — смысл жизни, путь к бессмертию. Душа посредством пайдеи способна обрести аподиктическое знание и удержать в вечности эссенцию бытия. Ее облагораживающее действие имеет, кроме того, политический компонент, ибо, трансформируя стражей и правителей, предопределяет состояние государственного устройства. Это напоминает связь правильного поведения индивида (этики) с гармоничным обустройством групповых взаимоотношений (политики) у Аристотеля. Но есть существенное различие: Стагирит рассматривает образование/воспитание не как элитарное действие, но как средство преобразования толпы в сообщество. Основу благосостояния государства он видит не только в арете правителей, их моральном, интеллектуальном гегемонизме, но и в культурном статусе населения, что превращает пайдею в социальный императив.

Развитие сюжета — сближение мудрости с благодатью в эллинизированном иудействе и христианстве. (Отголосок сюжета — в современном запросе на наличие у политика «харизмы».)

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид. «Многознание уму

не научает» (Гераклит). Но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдею — изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный. (См. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про крестный путь Одиссея со странным «веслом» на спине.) Образование/воспитание предполагало обладание тремя свойствами-умениями — «хорошо мыслить», «хорошо говорить», «хорошо действовать» (Демокрит). Древнегреческая система в перфекте формировала не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, то есть именно «лепка» себя — самосозидание.

Вспомним (правда, несколько иначе акцентуированную) историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов — трансмутации Галатеи. И заодно сравним с воспитательными созвучиями в историях Пиноккио и Буратино при выразительном различии судеб: один становится человеком, другой обретает предприятие и богатство.

Обучение и развитие

Система обучения изначально была разделена на две ветви, сохранявшиеся долгое время в виде «ремесленного» и «гимназического» типов образования. Это обучение той или иной профессии (ремеслу), чаще в рамках родовой или кланово-корпоративной структуры, и стоявшее несколько особняком универсальное (гуманитарное) образование.

В Древнем мире структура гуманитарного образования была «профессионально», то есть религиозно, ориентирована и имела в целом (нечетко) трехступенчатый харак-

тер. Училища писцов — эдуббы («дома табличек») и т.п. — в сущности, ремесленное образование, но широкого профиля, характер которого постепенно усложнялся. Жреческая (кланово-родовая) подготовка — эзотерическое (индивидуальное) обучение. Последняя в Древней Греции из системы подготовки мистагогов (руководителей мистерий, о которых известно слишком мало) трансформировалась также в эзотерическую, но переходную по своему характеру школу Пифагора, о которой известно заметно больше.

Более светский — точнее, более открытый — характер был у философских школ и «мастер-классов» того времени, экзотерический образец которых — полигистор («всезнайка») Гиппий. Гуманитарный (умозрительный, философский) тип образования имел дисциплинарный характер, включая однотипный набор предметов: соединение пифагорейской («молчаливой») модели (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) с искусством диалога-дискуссии софистов (грамматика, диалектика, риторика), что породило классическую семирицу образовательной энциклопайдеи («полного круга обучения», «энциклопедии»). Древние греки также различали, стратифицировали интеллектуальные занятия и профессиональные умения, связанные с физическим трудом (выделяя при этом в особые категории труд земледельца, спортивные доблести и воинские искусства), то есть статусно разделяли созерцательную/деятельную мудрость и механическое ремесло (мастерство).

Принципы древнегреческой образовательной системы влияли на характер и форму образования в последующие века и тысячелетия, хотя муси-

ческое и гимнасическое образование Афин, конечно же, заметно отличалось от милитарного воспитания Спарты (но военное обучение присутствовало и в афинском обществе – в формате эфебий, особенно в ранний период).

В целом афинская схема организации общего (гуманитарного) образования в развитой форме эллинистического периода была примерно такой:

- ♦ начальная («элементарная») школа: чтение, письмо, счет и обязательно – физические занятия;

- ♦ грамматическая («вторая», или «средняя») школа: чтение книг – в смысле понимания, усвоения содержания;

- ♦ наконец, «высшая» – философская/риторская – школа обеспечивала гармонизацию знания и личности: публичное рассуждение (риторика, политика), философия, медицина.

По образцу школы в Афинах, расположенной у Акрополя, заведение, дающее философское образование, в течение столетий именовалось атеней или афиней. Каждая из школ имела особенности, основывалась и возглавлялась яркой личностью.

Наиболее известна Академия Платона, располагавшаяся в садах героя Академа, основанная в начале IV века до н.э. и просуществовавшая как институализированное сообщество с видоизменениями (выделяют пять философских школ) и коллизиями (вплоть до временного переезда в Рим) до начала VI века н.э. То есть едва ли не тысячелетие – более девяти веков. Основным методом обучения был диалог (диалектика): искусство правильно дискутировать – вести разговор посредством рассуждения, имея целью не тезис, а тему. Предметы преподавались в основном те же, что в иных версиях высшего гуманитарного (фи-

лософского) образования: математика, астрономия, физика (натура, естествознание) и т.п.

В ряду прославленных школ – Лицей со знаменитыми прогуливающимися «перипатетиками», основанный Аристотелем в зените славы (335 г. до н.э.) и расположенный недалеко от Афин, возле храма Аполлона Ликейского, где учил Сократ.

Афинские античные школы во главе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени – были высланы императором Юстинианом в 529 году за пределы империи. Они переместились на восток – в сасанидскую Персию Хосрова I Ануширвана, обретя пристанище в расположенном восточнее Суз Гондишапуре, который наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем являлся одним из ведущих «научоградов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии – приграничном Харране (центре сабеизма), – реплики Академии просуществовали еще несколько столетий, до конца XI века являясь одним из основных источников распространения античных знаний, поспособствовав, в частности, развитию исламских «университетов». (Старейший из действующих основан в конце IX века в городе Фес в нынешнем Марокко.) Преподавали в них богословие, грамматику, риторику, логику, математику, астрономию, музыку, а также химию, медицину, историю, географию.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую

мысль. Затем это интеллектуальное наследство, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма), различными путями возвращалось в христианскую Ойкумену и, в свою очередь, интенсивно воздействовало на теологические дискуссии, философские диспуты средневековой Европы. В эллинистическом мире существовали и другие центры, концентрировавшие, развивавшие, транслировавшие умственную деятельность, создававшие собственные образовательные системы, восходившие, однако, к прежнему образцу. Ведущей интеллектуальной корпорацией являлась Александрия с ее обширной библиотекой и музеем. Правда, с течением времени изменился смысл данных институций: библиотека представляла не просто грандиозное собрание трудов, но обширный цех писцов-переписчиков, то есть предприятие по репликации текстов, обеспечивавшее рукописями практически все пространство античного мира, а музей (мусейон) – дом муз – был образовательным учреждением, подобно Академии и Лицею имевшим покровителей, давших ему название.

Римское образование было организовано в древнегреческом стиле и имело преимущественно частный характер. В его основе лежало изучение девяти дисциплин: грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии, медицины, архитектуры. В систему обучения входили также изучение права, философии и физическая подготовка. Император Адриан в 135 году основал первое государственное образовательное учреждение – римский Атеней (*Athenaeum* – *ludus ingenuarum artium*, позднее его называли *Schola*

Romana), который просуществовал до V века.

Честь обоснования и систематизации европейского высшего образования по традиции отдается Марциону Капелле, жившему в V веке в Карфагене. В трактате «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), то есть союз телесного воплощения знания и божественного разума (см. «прометеев огонь»), Капелла очертил две образовательных ступени, ставшие каноном европейского университетского образования. Первая – тривий («перекресток трех дорог») – включала грамматику (совершенствование языка), диалектику (совершенствование мышления), риторику (совершенствование речи, коммуникации). На второй ступени – квадривии («перекрестке четырех дорог») – изучались геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

В 425 году римский Атеней обосновался в Константинополе. Там изучали философию, право, ботанику, медицину. В 848 году его статус повысился: при Михаиле III

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид. Но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдею – изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный.

Пандидактерион переместился в Магнаврский дворец и получил известность как Магнаврская школа. Впоследствии, следуя европейской традиции, ее порой называли Константинопольским университетом.

Человек на все времена

Noblesse de robe

Новая ситуация, возникавшая во втором тысячелетии в Европе и определявшая облик цивилизации вплоть до наших дней (современность, *Modernity*), в значительной мере связана с распространением городской культуры. В этой среде был иначе сформулирован запрос на знания, что породило, в частности, такой институт, как университетское образование.

В средневековой Европе и ранее возникали различного рода сообщества, регулиро-

вавшие социальные и профессиональные отношения: от клятвенных союзов, фемических судов, коллегий орденов до производственных объединений – цехов (со своей системой обучения механическим искусствам: ученик, подмастерье, мастер), корпораций, обладавших привилегиями. Система образования – освоение и трансляция знаний – в период «Темных веков» сохранялась в асимметричном комплексе, включавшем монастырскую школу, орденскую коллегию, светский *Studium Generale*. Предпринимались и попытки возродить центры высшего образования, подобные знаменитым образцам Античности. На рубеже VIII–IX веков Карл Великий, принявший римский императорский титул, основал собственную «дворцовую академию» во главе с прославленным Алкуином. Период культурного созидания (при участии та-

ких лидеров ученого мира своего времени, как Эйнгарт, Ангельберт, Рабан Мавр, Седулий Скот и отец средневековой философии — Иоанн Скот Эриугена) продолжался также некоторое время после смерти Шарлеманя и порой определяется как «каролингское возрождение».

Европейские же университеты (*universitas* — совокупность землячества) — социогены Нового времени, автономная социализация знания. Университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии) принадлежит особая роль в процессе гражданского обустройства и переустройства Европы. География продвижения университетской культуры аналогична траектории распространения самой городской культуры нового типа: от «Италии» к «Франции», Англии...

Университет формируется на основе дисциплинарного изучения свободных искусств, отличных от ремесленного мастерства, — искусств механических: разница тут примерно такая же, как между «вольным (свободным) каменщиком» и просто каменщиком как профессией. А также на базе медицинских, юридических школ, систем теологического образования (схоластики). Тривиальное образование вкупе с более изощренными знаниями квадривия (то есть суммарное изучение семи свободных искусств) давало звание магистра, окончившие же одну из трех докторантур — юридическую, медицинскую или теологическую — получали звание доктора.

Формирование европейской высшей образовательной системы приходится в основном на XII—XIV века, предвзято Ренессанс и Реформацию.

Так, на основе корпорации врачей, сложившейся в IX веке в Салерно и занимавшейся не только лечением, но и обучением врачебному искусству, в XI—XIII веках формируется полноценная медицинская школа. А на основе образовавшейся в X-XI веках юридической школы возникает старейшина европейских университетов — Болонский, получивший в 1158 году от Фридриха I Барбароссы свои привилегии, то есть ставший университетской корпорацией. Причем корпорацией особой — студенческой. Это была не ассоциация профессоров (*universitas magistrorum*), а союз студентов (*universitas scholarium*), причем пост ректора мог занимать лишь школяр, преподаватели же (*doctores legentes*) выбирались студентами на определенное время и получали гонорар по договору. В то же время профессура освобождалась от налогов и военных повинностей, а имевшие звание *dominus* (то есть не просто магистры свободных искусств или простые доктора) получали права граждан города и входили в сословие рыцарей.

Древнейшими университетами, помимо Болонского, считаются фактически образованные в XII веке Оксфорд, Парижский университет (Сорбонна) и Саламанка. К славной когорте XIII века принадлежат университеты Кембриджа, Монпелье, Падуи, Неаполя, Тулузы, Коимбри, Мадрида. В XIV веке университеты появляются в Риме, Авиньоне, Орлеане, Перудже, Флоренции, Гренобле, Пизе, Праге, Павии, Кракове, Вене, Гейдельберге, Кельне, Будапеште, Эрфурте. В XV веке — в Турине, Лейпциге, Ростокке, Базеле и других местах. На территориях Речи Посполитой, относившихся к Великому княжеству Литовскому, в XVI веке была основана

Острожская славяно-греко-римская школа (1576). А в начале следующего — XVII — столетия — Киево-братская школа (1615), преобразованная в Киево-Могилянскую коллегию (1631—1701), затем, уже в составе Российской империи, ставшую Киево-Могилянскую академией (1701—1817). В России первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия — было основано в 1686 году, а в XVIII веке возникли Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) и Московский университет (1755).

Но в XV веке в социокультурной среде развивались процессы, повлиявшие не только на траекторию университетской культуры (на полях отмечу лишь появление книгопечатания), но и на весь строй европейской жизни.

Homo virtuoso

Европа пережила столкновение античного и христианского мировидений, прочие цивилизационные, политические, культурные неурядицы, споры по поводу путей богопознания, конкуренцию стратегий миростроительства. И, как правило, очередным развитием истории предшествовало обострение суммы конфликтов, разногласия диспутов, разброд элит.

Один из подобных перекрестков можно обнаружить в середине второго тысячелетия. Интенсивное развитие городской среды, кризис прежних иерархий, масштаб географических открытий, новые форматы экономики, иной контур политических объединений, пролагавших путь к национальному государству (и феномену идеологий — национализму, либерализму, социализму), обилие технических нововведений, трансформация культуры, книгопечатание, смена самоощущения обитателей

Ансельм Фюрбах. Пир. По Платону. 1871–1874 годы

Universum Christianum вплоть до реставрации характерного для первых веков выражения *homo moderni* – все это приходится на период, получивший определение Ренессанса. А после турбулентностей Реформации наступила современность, или Новое время.

Университетская культура также переживала кризис. Переосмыслились иерархия и номенклатура знания, происходили переворот в понимании целей образования, отход от схоластики, возвышение гуманитарного знания (*studia humanitatis*), генерировались свободное испытание, осмысление природы, зарождался феномен, получивший определение гуманизма.

Гуманисты (ораторы, риторы) – социальная генерация, которая по-своему ответила на вызов влиятельной плеяды интеллектуалов, тесно связанной с Церковью (профессура – одновременно клирики) и обремененной путами деловой, официальной (муниципальной, государственной) практики. Разросшаяся университетская корпорация выражала и поддерживала интересы членов, однако, с точки зрения гуманиста, сковывала

становление личности и ограничивала ее горизонт.

Гуманизм – это вселенская образованность как квинтэссенция человека. Смысл жизни видится не в формальном статусе, но в развитии способностей, преобразовании себя в гармоничный шедевр, «эстетически законченную форму». То есть в созидании и предъявлении Богу *homo virtuoso* (наподобие предъявления мастерам шедевра в цеховой корпорации или профессуре – диссертации в корпорации университетской). Христианская музыка сфер (мировая гармония) обретает громкое звучание. Она не только дарит возможность разомкнуть роковые кольца фатума, обратившись к колесу фортуны, но указывает путь, ведущий к освобождению от капризов последней. Добродетель побеждает и преображает фортуны, открывая наряду с потенциями свободной воли неясно звучащий в сбивчивых ритмах быта и бытия замысел Провидения.

В платоновской академии основным методом обучения был диалог (диалектика): искусство правильно дискутировать – вести разговор посредством рассуждения, имея целью не тезис, а тему.

Земной путь проходит по лезвию бритвы, трагизм реальности бывает скрыт иллюзией торжества в финале. Вспомним, и на этот раз с большим пониманием, драматизм разочтения, казалось бы, схожих судеб (а также подспудно прописанных кодов практики): различие апофеоза Пиноккио и Буратино – изживание неотесанности, превращение в человека и сладость мести вкупе с обретением земного богатства. И даже более того: обретение отмеченной знаком молнии сокровищницы – в некотором смысле «подземной» и «театрализованной», имеющей облик, но лишенной сути («иллюзорной», «прелестной» – «рая для кукол»). Тут ощутима та трагедийность и тот грех, за которые актеров долгое время хоронили вне церковной ограды: проклятие профессионального лицедейства, чреватого вечной игрой, несмысливаемой маской, то есть утратой подлинности.

Гуманисты ставили себя выше семи искусств как ремесла, обучения как профессии, предпочитая образование, то есть постижение того, что отражает целостность человеческого духа, иначе говоря, проблемы этические и эстетические. Их стихия — свободное рассуждение, а не ригористичная схоластика, *otium* (досуг, спокойствие), а не *negotium* (дело, беспокойство, коммерция) или *ufficio* (канцелярия). Понятие «рыцарство мантии» пересмысливалось, ибо для истинного знания нужна отвага. Самореализация в понимании гуманиста — христианский долг, подвиг, доблесть. Это иное и новое прочтение мира светских духовных практик.

Разум — дар, отличающий человека от животного и ведущий к богоподобию. Знание освобождает и облагораживает. Чтобы знать, надо понимать, но чтобы понимать, надо быть. Знание само по себе сила. Оно не просто симптом учености, но творчески освоенное, преображенное в филологию — признак воспитания, развития души, своего рода проводник, вожатый к святости (см. роль Вергилия у Данте). Стадии духовного маршрута — классическое, то есть гуманитарное, образование (*study of humanities*) и последовательное обретение качеств: воспитанности (светской дисциплинированности), приветливости, доброжелательности, кротости, пронизательности, человечности, видения сути людей, вещей и порядков (*civil, soft, gentle, wise*). Это утешение и воодушевление себя и других, иная историческая перспектива, социализация христианства, рождение светской интеллигенции в изначальном значении категории *intellegentia* и как синтеза образованности и нравственности.

Отсюда, однако, сложности в понимании воспеания гума-

нистом «сладо́сти бы́тия» (*dolzzade vivere*, созвучное со знаменитым *dolce vita*) — здесь можно увидеть те же отголоски, абберации, обертоны, что и в коллизиях Лангедока, Прованса, связанных с культурой «миннэ» (упомянув Вергилия, не забудем о Сорделе). Характерен кодекс гуманиста в изложении Лоренцо Валлы: общение с подобными, изобилие книг, комфортное место, свободное время, внутренний покой. Чувствуется созвучие с более поздним и не всегда правильно толкуемым выражением: «Джентльмен не работает». Или также знаменитым: «*Don't worry, don't hurry, don't carry*». В подобном контексте по-иному видится генетика многих влиятельных европейских течений мысли и действия, к примеру, ментальность, аксиология и мироустроительные ориентиры Карла Маркса.

В то же время сохраняется прежняя ориентация на внешнюю результативность интеллектуальной практики. Вектор мышления остается эксплицитным, его результат отчуждаем, и хотя он не вещь, но путем аппроксимации и утилизации становится таковой, попадая в итоге на рынок, хотя и специфический («купцы света»).

Одним из следствий этого стало повышение роли и статуса искусства уже в нынешнем понимании, то есть произошло его облагораживание. Искусство Нового времени — это не религиозные артефакты (переосмысление культурного статуса которых происходило в несвойственных времени создания категориях) и не древнегреческое технэ (то есть функциональные объекты как продукты универсального мастерства), но средство трансляции культурной позиции, подчас мировоззрения, в социальную и частную среды. В том числе — и с какого-то мо-

мента главным образом — мировоззрения, опознаваемого в категориях эстетики, в качестве животворящего эликсира гармонии, средства поддержания поступательной витальности Модернити. Динамика процесса и конкуренция версий подтверждались и отражались в стремительной по историческим меркам смене и разнообразии стилей. Другими словами искусство проявляет себя как продукт и специфический аспект секуляризации — ее альтернативный источник и одновременно инструмент трансляции ценностей, невербальной фиксации принципов — духовных, социальных, культурных координат общества. Революция в искусстве — симптом тектоники социополитических потрясений и более того — их фермент, генетика. Так специфика нынешнего транзита в искусстве сопряжена со своеобразным удержанием, подобно моделям операций с плазмой, и последующей капитализацией нематериальной субстанции — витальности. То есть с распространяющимся осознанием, но одновременно и вульгарной прагматизацией (опошлением) постулата: искусство — это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

Возникали институты, связанные с происходившей трансформацией: на смену университету пришла академия. Ее особенность в том, что это не корпорация, а союз, собрание, сообщество — свободное объединение тех, «которые вынырнули». Ревизии подверглась сама суть свободных искусств — основанием квадривия стала теперь видеться универсальная гармония как эстетика, а предметы тривия объединились понятием филологии.

В социальном отношении гуманисты рассматривали себя

Лоренцо де Вольтолина. Генрих Фримарский (Старший) читает лекцию в Болонском университете. Миниатюра в «Комментариях на Этику Аристотеля» Генриха. Около 1350–1360 годов

как «педагоги граждан» — в противоположность университету как корпорации преподавателей знаний для соискателей профессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов — определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации. А также научной и экономической перспектив, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникли уже в XV веке: первая, «платоновская» (неоплатоническая), — в Кареджи (Флоренция, 1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI веке в той же Флоренции появилась «филологическая» Академия делла Круска (1583). В начале XVII века в Риме открылась знаменитая Академия «рысеглазых», деи Линчеи (1603), чье название само по

Европейские университеты (*universitas* – совокупность земледельцев) – социогены Нового времени, автономная социализация знания.

себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышатся имя ясноглазого аргонавта Ликей (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Ликей, Ликейон), а также ощущается традиционная острота взора и мягкая поступь рыси (*Лунх*). В Париже была учреждена «Академия бессмертных» (1635), в Лондоне открылось «Королевское общество» (1662).

Каденция сюжета — встреча-диалог в том же Риме ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочисленным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжете вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба — академии XX века, венцом же деятельно-

сти ее мыслился *Forum Humanum* — также непростое название, рождающее смысловые ассоциации. Например, относительно продвижения в среде институтов развития ближе к середине XXI века от распределения/торговли/конкуренции в сфере знаний к распределению/торговле/конкуренции в области талантов, то есть *forum humanus* — рынок людей (торговля людьми).

Ренессанс и апокатастасис

Тема, требующая отдельного разговора, — духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров.

Доменико Гирландайо. Фрагмент «Благовещения Захарии о рождении Иоанна Предтечи». Флорентийские гуманисты – Марсилио Фичино, Кристофано Ландино, Аньоло Полициано и Деметрио Греко. XV век

В социальном отношении гуманисты рассматривали себя как «педагоги граждан» – в противоположность университету как корпорации преподавателей знаний для соискателей профессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов – определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации.

На поверхности – сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различием катафатического и апофатического миропознаний. И с прерыванием исихастской традиции как явления, могущего иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные, политические следствия. Богословское же изменение проблемы представлено знаменитыми диспутами Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у этого давнего спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровоточивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкаче-

ственности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки самой сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой под покровом и суетой времени развилке истории.

В чем естество истинного знания, гарантия подлинности его начал? Что мы познаем и что развиваем? Посредством чего обретается полнота бытия? И ради чего? Является ли знание целью и ценностью, за которой стоит отправляться в путь длиною в жизнь, а жизнь преобразовывать в историю? Универсальна ли его природа, а владение – надежно ли? Насколько можно полагаться на полученное таким образом преимущество? Или

же накопление постижений, закономерностей, аргументов, инструментов содержит вероятность неожиданной их девальвации, порчи, утраты, превращения сокровищницы в умопомрачительную груды черепков? Либо даже, подобно вышедшему из-под контроля зверю, таит угрозу однажды обратиться против хозяина и погубить, разорвать его?

Но быть может, знание синергично: своего рода заем, выданный под добросовестный проект, однако с возможностью отзыва капитала из-за просроченных долгов? Иначе говоря, его субстанция обладает комплексной природой, а процесс познания – это персональная история соития с подлинностью. Причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей – мере зависит от состояния субъекта и взыскиваемой цели: постижение есть узнавание, как для нищенствующих – собирание и накопление.

В XIV веке проявились, как минимум, две выразительные и обоснованные позиции, связанные с пониманием природы интеллигенции, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать логику рассуждения, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего его от иных земных существ, – разума, то есть как безличную субстанцию, накапливаемую, сублимируемую, производящую трансмутацию личности. И посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) предоставляла также возможность изменять окружающую среду. Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть явления, истинное состояние

объекта, ситуации. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требуют не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения подвижническим усилием состояния (объема бытия), позволяющего натуре познающего (сердцу, ибо «сердце наше есть сокровище мысли») обрести когерентность с иным — могучим — естеством.

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по ауотрансформации, энергетика взаимодействия дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, то есть контакт с подлинностью. Ключевой момент — отклик, вступление в личностный диалог. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося организующей дисциплиной ума. Главный источник — постижение новизны как иного порядка, наступающее в озарении — в объятиях души и духа истины.

Путь познания не исключает сбоев, затемнений («ночь души»), не ограждает от возможности искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Живое знание порой настолько точно, чтобы не сказать — персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

И хотя знание — это состояние, а не наличность (ср. обладание мудростью и наличие знаний), тем не менее в сложном сочетании абсолютного и конъюнктурного слепки-реплики от опознанных маршрутов на специфической дорож-

ной карте, верифицированные опытом, экспериментом, обретают автономное существование. Эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы — путем распространения соответствующих прописей — и в иных, схожих, ситуациях. Однако все же с важной оговоркой об их относительности — то есть отсутствии гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации. Знание обретается ради истины, а не вместо нее. Другими словами познанные и декларируемые законы хотя и отражают конституцию природы, все же не являются абсолютом и могут меняться или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось. Но главное, пожалуй, иное. Трансмутация, то есть обретение и удержание личностью особого статуса, имеет целью не операции со знанием как таковые: акт познания истины дает шанс со-присутствия в одной (сейчас сказали бы «преодолевая асимптотический предел»), что изменяет познающего и делает его свободным. Суть процесса не обретение знания для прикладной задачи — перемены условий жизни, а прямой путь к энергичному со-бытию: перманентной встрече, которая есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основания альтернативных позиций относительно природы знания, предопределили существенные различия в практике миростроительства. Признание обезличенной («цифровой») природы накопления знаний стало источником изошренной механики, обретением и совершенствованием протезов, замещающих человеческие немощи, — субститутом послушных «электрических» духов, ис-

полняющих желания. Синергичное же понимание истины предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае основной достижения истины является наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делает сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различие траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты ради получения ответа — со-весть, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических приложений. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства. Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилки-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегий. И в конце концов — генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.